

Ольга Карпович

рассказ

Навсегда

Ольга Карпович

Навсегда

«ЭКСМО»

2015

Карпович О. Ю.

Навсегда / О. Ю. Карпович — «Эксмо», 2015

«Из больничного коридора пахло хлоркой и перловым супом. Лязгали металлические каталки, отрывисто доносились обрывки разговоров медсестер. По стене, выкрашенной в тоскливый желтый цвет – и почему в больницах всегда красят стены этой краской? – изредка пробегали светящиеся зигзаги от фар проезжавших под окном машин. Марина Григорьевна поднялась со стула, припадая на правую ногу, прошла к окну и плотнее задернула шторы. В палате стало почти совсем темно, лишь через застекленный прямоугольник над дверью просачивался голубоватый мертвенный свет...»

© Карпович О. Ю., 2015

© Эксмо, 2015

Ольга Карпович

Навсегда

Из больничного коридора пахло хлоркой и перловым супом. Лязгали металлические каталки, отрывисто доносились обрывки разговоров медсестер. По стене, выкрашенной в тоскливый желтый цвет – и почему в больницах всегда красят стены этой краской? – изредка пробегали светящиеся зигзаги от фар проезжавших под окном машин.

Марина Григорьевна поднялась со стула, припадая на правую ногу, прошла к окну и плотнее задернула шторы. В палате стало почти совсем темно, лишь через застекленный прямоугольник над дверью просачивался голубоватый мертвенный свет.

Она вернулась на место, опустила на стул и нашарила поверх одеяла тоненькое девичье запястье. Сжала, ощущая под пальцами слабое биение пульса. Подавив стиснувший горло спазм, согнулась, прижалась лицом к холодной, почти прозрачной ладони.

На лицо дочери, утонувшее в подушках, синевато-бледное, с ввалившимися глазами и висками, серыми губами и заострившимся носом смотреть было слишком страшно. Марина Григорьевна перебирала ее почти еще детские пальчики, с облупившимся ярко-желтым лаком на ногтях и тихонько раскачивалась из стороны в сторону.

Врач сказал ей:

– Все, что возможно было, мы сделали. Промывание желудка, другие процедуры. Теперь все зависит от нее.

– Но ведь у нее молодой, сильный организм, она здоровая девочка, – с надеждой заглянула в лицо врачу Марина Григорьевна.

– Попытка суицида – это такое дело... – дернул плечами доктор. – Непредсказуемое. Важно, чтобы пациент сам захотел жить.

– А мне? Что делать мне? – не отставала Марина Григорьевна.

– Поезжайте домой и попробуйте поспать, – устало посоветовал доктор. – Если она придет в себя, вам позвонят.

«Если... если...» – гулко отозвалось в висках.

– Я никуда отсюда не уеду, – покачав головой, низко, с угрозой в голосе произнесла Марина Григорьевна.

– Ваше дело, – пожал плечами доктор. – Если вам себя не жалко, ради бога... Ну что ж, в таком случае разговаривайте с ней, рассказывайте что-нибудь, все равно что. Науке доподлинно неизвестно, слышат ли больные что-нибудь в бессознательном состоянии. Но есть гипотеза, что голоса близких как бы помогают человеку вернуться к реальности, удерживают в этом мире, если хотите. Попробуйте, хуже не будет...

И ссутулив плечи под мешковатым синим халатом, он пошел прочь по коридору.

Марина Григорьевна судорожно глотнула – в горле пересохло, и язык не желал ворочаться во рту. «Разговаривайте, разговаривайте... Он сказал – разговаривайте»... Она подняла руку дочери к лицу и заговорила, касаясь запекшимися губами нежных пальцев.

– Сашенька, ты слышишь меня? Сашенька, дочка, соломинка моя... Послушай! Я не буду тебе говорить, что он – этот Макс – к тебе вернется. И не стану утверждать, что у тебя таких, как он, будут еще сотни. Не буду, потому что... это все неважно, понимаешь? Тебе только пятнадцать лет, тебе кажется, что эта боль – самая сильная, что тебе ее не пережить. Но это не так, Шурик! Боли в жизни будет много, очень много, со временем ты научишься не захлебываться в ней, принимать ее мелкими терапевтическими дозами, глотать изо дня в день. Но, даже когда тебе будет очень больно, помни – пока все живы, все еще можно поправить.

Марине Григорьевне казалось, что она говорит что-то не то, и поэтому слова получаются недостаточно глубокие, убедительные. Что именно из-за этого лицо на подушке остается все

таким же бледным и безучастным. Это ее вина, не может она достучаться до своей отчаявшейся, не желающей переступить через первую любовную драму маленькой девочки.

Марина Григорьевна отпустила руку дочери, провела сухими ладонями по лицу, сказала глухо, почти безнадежно:

– Я расскажу тебе о себе, хорошо? Расскажу то, о чем никогда не рассказывала раньше. Про день, который был в моей жизни самым счастливым, и другой – самый черный, день, в который я страстно желала умереть, но отчего-то не умерла.

В коридоре задребезжала, подскакивая на неровном линолеуме, каталка.

– Люся! Восемнадцатая освобождается, иди – мой! – рывкнула на все отделение медсестра.

Марина Григорьевна негромко заговорила, не мигая, уставившись в сплетающиеся прямоугольники на застиранном казенном пододеяльнике.

– Ночь была странная и какая-то неприкаянная, что ли. Шел снег, и белые хлопья ложились мягко, окутывали голову Аллауди светлым нимбом. Было совсем не холодно, казалось, зима в этом году наступила необычная – легкая, беззлобная, нежная, как дыхание моего любимого.

В ночном прозрачном воздухе пахло ледяной хвоей и сумасшедшим, морочащим голову счастьем.

Аллауди шел рядом со мной, веселый, молодой, голубоглазый. Смеялся, ловил ладонями острые снежинки и подбрасывал их в воздух. Все белое было вокруг – дома, городские изгороди, скамейки в парке. Сугробы стояли большие, величественные и очень нарядные.

Наш декабрь был тихим и радостным. Мы шли по ледяной, освещенной блеклым светом фонарей улице, взявшись за руки, и молчали. Мы были очень счастливы тогда. Влюбленные, себялюбивые и дерзкие, как два хищника, вырвавшиеся на свободу.

Ночной Волоколамск казался самым прекрасным местом на земле. Я и Аллауди были бездомны в этот момент и совершенно свободны от всего. Где-то там далеко осталась звенящая и порочная Москва, проблемы, заботы, другие люди и другая жизнь. Но мы с ним были наконец-то счастливы и шли упрямо, шествовали к своей заветной цели – номеру в гостинице, который нам удалось отвоевать за сушие копейки.

Любовь жила с нами, семенила рядом, обнимала за плечи, склоняла наши головы друг к другу. Мы с любимым остановились, поддавшись внезапному порыву, обнялись крепко, не прикасаясь губами, щека к щеке, сердце к сердцу, и стояли так долго-долго, издали напоминала мраморное, занесенное снегом изваяние.

– Ты любишь меня? – спросила я лишь для того, чтобы нарушить тишину.

– Ты же знаешь, – спокойно ответил Аллауди и, помолчав, добавил: – И боюсь, что это со мной уже навсегда.

– Я знаю, – согласилась я. – Пошли, холодно стало, я замерзла.

Мы наконец-то добрались до теплой гостиницы, стряхнули снег с курток, скинули шапки. Сердитая консьержка не хотела пускать нас далеко за полночь, но Аллауди незаметно обаял ее своей улыбкой известного дамского угодника и сердцееда, украдкой вручил шоколадку и намекнул, что его жена, то есть я, беременна.

«Беременная» жена тем временем, добравшись до номера, высвободилась из теплой куртки и с размаху бухнулась на сдвоенную жесткую кровать, в изнеможении закатив глаза и закинув на батарею облаченные в облегающие джинсы ноги, при этом так, чтобы Аллауди мог легко стянуть с «жены» узкие сапоги на высокой шпильке. Наконец итальянские сапоги-убийцы оказались на полу, и я с облегчением вздохнула, забралась к Аллауди на колени, щекой прижалась к его груди.

– Отвечай, когда мы поженимся, негодник?

– Марияшка, ты же знаешь, у меня ведь ничего нет сейчас... а вот осенью мы начнем строить дом, и тогда...

– Начинается, – сморщила нос я и, ухватившись за густую гриву Аллауди, увлекла его за собой на постель.

Потом мы до исступления целовались, раздевшись же наконец, долго рассматривали друг друга. Не было в этом никакой стыдливости, смущенных взглядов, всего того мирского и животного, что убивает любовь и является лишь наслаждением для тела на один миг.

Мы смотрели друг на друга, как будто желая запомнить каждый сантиметр любимого тела, каждый шрамик, каждый изгиб. Я не выдержала первой и со стоном впилась в его губы.

Когда мы проснулись, за окном стоял солнечный, не по-зимнему теплый день. Надо было собираться в Москву. Наши сутки, выделенные на любовь, подошли к концу.

Затем я долго вела свою маленькую машинку по заснеженной трассе и рыдала во весь голос. Так жаль мне было себя, тридцатилетнюю, уже довольно старую для балерины, влюбленную и любимую, но до самых краев души несчастную.

Ведь мы с Аллауди были бедны, как две церковные мыши, он по идейным соображениям, я же по причине того, что деньги никогда не держались в моих руках. Наше будущее предугадать было невозможно, но и представить, что этого будущего у нас может не быть, отказаться от него было выше моих сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.